

Майдурова Юлия Александровна

МОТИВ "ВНУТРЕННЕГО ЗРЕНИЯ" В РОМАНЕ "СОБОРЯНЕ" Н. С. ЛЕСКОВА

Работа продолжает традицию исследования связи творчества Лескова с древнерусской литературой, в частности, исследуется реализация Н. С. Лесковым в романе "Соборяне" одного из мотивов древнерусской литературы, мотива внутреннего зрения. Автор, используя данный мотив на протяжении всего романа, следует традициям древней литературы и, в то же время, открывает новую, дополнительную функцию мотива. Рассматривается дополнительная реализация мотива внутреннего зрения через жанр видения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 109-110. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1.09

Филологические науки

Работа продолжает традицию исследования связи творчества Лескова с древнерусской литературой, в частности, исследуется реализация Н. С. Лесковым в романе «Соборяне» одного из мотивов древнерусской литературы, мотива внутреннего зрения. Автор, используя данный мотив на протяжении всего романа, следует традициям древней литературы и, в то же время, открывает новую, дополнительную функцию мотива. Рассматривается дополнительная реализация мотива внутреннего зрения через жанр видения.

Ключевые слова и фразы: древнерусская литература; творчество Н. С. Лескова; агиографическая традиция; мотив внутреннего зрения; жанр видения.

Майдурова Юлия Александровна

*Дальневосточный государственный гуманитарный университет
maidurova@list.ru*

МОТИВ «ВНУТРЕННЕГО ЗРЕНИЯ» В РОМАНЕ «СОБОРЯНЕ» Н. С. ЛЕСКОВА[©]

Целью настоящей статьи является исследование связей творчества Н. С. Лескова с традициями древнерусской литературы, в частности, общего с ней мотива «внутреннего зрения» в романе «Соборяне». Древнерусская словесность служила писателю неисчерпаемым источником вдохновения и художественно-стилевых возможностей. С ее традициями связаны не только образы героев писателя, в ней Лесков находил и богатство сюжетов, и многообразие жанровых форм.

Исследование творчества Н. С. Лескова в его преемственных связях с древнерусской литературой имеет давнюю и устойчивую традицию. Начало этой традиции положили монографии В. Ю. Троицкого [17], А. А. Горелова [2], исследование Н. И. Прокофьева [15]. Впоследствии она была продолжена в работах О. Е. Майоровой [9], Е. В. Яхненко [21]; близость структуры лесковских произведений к ансамблевому построению литературы Древней Руси была изучена Г. А. Косых [5] и Н. И. Старыгиной [16], она же одна из первых осмыслила связь лесковского цикла «праведники» со сборником «Пролог». О сказовых традициях в творчестве Лескова писали еще В. П. Гебель [1] и Б. М. Эйхенбаум [20], а затем коллектив авторов в монографии «Поэтика сказа» [13]. Справедлива мысль, что Лесков «заражал» жанры светской литературы энергией национальных языковых и художественных форм, «приводил в активное движение национальные формы повествования» [12, с. 3]. Оказывается, что «цельность всего творчества и сугубая оригинальность каждого отдельного произведения Лескова связаны с опорой его на существующее предание, память, естественно соединяющую прошлое с настоящим. Вводя тот или иной жанр эпоса или древнерусского искусства в современный мир, писатель дает ему новую жизнь» [3, с. 21].

Безусловно, влияние древнерусской литературы заметно и в тематике лесковских произведений, в его творчестве нашли отражение темы, поэтические принципы литературы Древней Руси: двоеверия, книжности, смерти, праведной жизни, избранности Руси и т.д. Сам Н. С. Лесков писал, что берет из древних произведений «темы», и что именно «темы» представляют для него наибольший интерес в средневековой словесности. «Исключительное знакомство с памятниками старой письменности не могло не вовлечь Лескова в использование тем для статей, а затем и учительско-художественных произведений» – писал А. Н. Лесков [6, с. 232]. Образы и темы литературы Древней Руси в творчестве Лескова, а также влияние агиографической традиции на него исследованы в работах Е. А. Макаровой [10], И. Е. Мелentyевой [11], И. В. Лукьянчиковой [8].

В древнерусской литературе устойчивым мотивом, связанным с темой зрения, являлся мотив духовного зрения. Сверхъестественное духовное (или сердечное, внутреннее) зрение противопоставлялось зрению естественному (внешнему, плотскому). Этот мотив внутреннего зрения присутствует в творчестве Лескова и появляется там не случайно. Возможно, это обусловлено его собственным религиозным опытом и тягой ко всему мистическому. В то же время Лесков был известным любителем и знатоком иконописи. А. И. Фаресов в книге «Против течений» писал: «Лесков обладал превосходным знанием истории иконописания, направлений и школ и даже самой техники мастеров-иконописцев» [18, с. 68]. Эти знания особенно проявились в отражении мотива духовного зрения.

Известно, что древние живописцы использовали понятие обратной перспективы. Обратная перспектива – это не ошибка, не неумение изобразить предмет правильно, это осознанная система взглядов на действительность, выражающая восприятие мира не физическими глазами, а духовными. Такой взгляд через погружение в созерцание дает возможность увидеть истинное положение вещей. В «иконическом» изображении присутствует визуальная двуплановость, потому что она является отражением представления о двуплановости земного мира. Существующий мир явлений – иллюзорный, потому что он соотнесен со временем, а не с вечной реальностью. Есть более значимая сакральная сфера, которую можно увидеть, и к которой можно приобщиться именно через духовное зрение [4]. В древнерусской литературе внутреннее зрение обретали только те, кто внутренне приближался к святости. Проявлялась эта способность в видениях или «тонких снах» (чутких снах, где почти нет границы между сном и реальностью).

Лесков разделял подобное мировоззрение, отсюда в его произведениях мотив внутреннего зрения, особенно в романе «Соборяне». Для выражения этого мотива он выбирает жанр видений. Жанр видений был одним из типичных жанров древнерусской литературы, кроме того, его отдельные элементы могли проникать и в структуру других жанров древнерусской книжности. Черты видения можно обнаружить в повестях, хождениях, житиях, знамениях и многих других [15]. То же самое можно обнаружить и в «Соборянах» Лескова: жанр видения вплетается в сложную нить повествования, сюжетно и композиционно выделяя эпизоды, связанные с темой зрения.

Перед решающим испытанием протоиерей Савелий Туберозов отправляется в поездку по благочинию, возвращаясь, он останавливается на полуденный отдых не на постоялом дворе, а «под небесной кровлей». Он выбирает для отдыха «очень хорошее место» на возвышенности, «в Корольковом верху», откуда далеко видны все окрестности Старого Города [7, с. 223]. Измученный полуденным зноем отец Савелий впадает в полузабытие («это не сон и не бдение»): «И мнится ему, что сейчас возле него стоял кто-то прохладный и тихий в длинной одежде цвета зреющей сливы...» [Там же, с. 224]. Далее он сквозь сон вспоминает легенду, связанную с этим местом о ратае веры – русском богатыре, которого Спаситель избавил от позорного плена, и таинственное присутствие которого ощущается у родника. Встреча знаменует перелом в судьбе протопопы, его мучат сомнения в избранном им пути, но через видение он получает ответ, словно свыше, общается к духу прошлых времен и выбирает путь подвига, как некогда ратай веры у этого чудесного ручья. В сновидении ему открывается, «что отныне он живет словно вторую жизнь, не свою, а чью-то иную, и в сем видит себе урок и укоризну, что словно никогда не думал о бренности и ничтожестве своего краткого века» [Там же, с. 230]. У отца Савелия открывается духовное зрение, его жизнь с этого момента становится житием, страданием за правду, за истину.

Как можно заметить, герои, изображаемые писателем, получают возможность видеть духовными глазами не сразу. Для того, чтобы открылось внутреннее зрение, герой должен коренным образом изменить свое отношение к миру, в нем должен совершиться духовный переворот. Для обретения истинного зрения герой должен сначала увидеть собственное несовершенство. Духовно прозревшие герои воспринимают жизнь с совершенно других позиций, что часто воспринимается сторонними наблюдателями за «умопомешательство», «юродство». После встречи-видения с ратаем веры протопоп Савелий Туберозов произносит свою «опальную» проповедь, обличая формальность и пустоту сердец молящихся, за что становится «изгнанным стариком» [Там же, с. 243], «запрещенным протопопом» [Там же, с. 263].

Но сюжетный мотив обретения духовного зрения наиболее полно отразился в создании образа дьякона Ахиллы. В начале романа он предстает во всей своей непомерности, в этом «веселом, смешливом и притом безмерно увлекающемся» человеке «тысяча жизней горит». Есть в его непомерной силе, поведении и нраве что-то от богатырей русского фольклора. Удадь Ахиллы была предметом постоянной заботы и беспокойства отца Савелия, потому что дьякон Ахилла часто попадал в ситуации, не приличествующие его сану. То он боролся с приезжими борцами на рынке на глазах у всего народа, то пел в польском хоре развеселые песни, то драл уши мещанину Данилке, за то, что тот в постные дни мясо ест. Протопоп Туберозов говорил дьякону Ахилле, что ему необходимо умереть, т.е. смирить свою удадь, чтобы измениться и обрести мудрость. «Отдай же, и ты кому-нибудь свою удадь: ты не юноша, тебе пятьдесят лет, и ты не казак, потому что ты в рясе» [Там же, с. 207]. Тихий священник Захария Бенефактов с удивлением восклицал: «Я и не знаю, как ему умирать!», «Я и сам этого не знаю, – пошутил протопоп, – он есть само отрицание смерти» [Там же, с. 128]. Тем не менее, эта работа по преображению души совершается внутри дьякона в течение романа.

После своего путешествия в Санкт-Петербург, куда он ездил сопровождать архиерея на заседание в Синоде, Ахилла вернулся «зараженный» новой идеей, которая провозглашала новой религией борьбу за существование. После долгого разговора с отцом Савелием Ахилла горячо молится и получает благодать преображения. «Проснувшись на другой день, ощутил, что он как бы куда-то ушел из себя: как будто бы он невзначай что-то кинул и что-то другое нашел. Нашел что-то такое, что нести тяжело, но с чем и нельзя, и неохота расставаться. Это был прибой благодатных волн веры в смятенную и трепетную душу. Ей надо было болеть и умереть, чтобы воскреснуть, и эта святая работа совершалась. Не мудрый Ахилла стал мудр: он искал безмолвия и, окрепнув, через несколько дней спросил у Савелия: “Научи же меня, старец великий, как мне себя исправлять... Силою своею я был горд, но сем вразумлен, и на нее больше я не надеюсь”» [Там же, с. 263]. Дьякон Ахилла начинает «видеть» духовным зрением, он становится способным различать истинную суть вещей. Далее во время ночного бдения над гробом отца Савелия Ахилла видит видение, как будто он восхищен, и видит, как служит заутреню протопоп в светлой праздничной ризе. Во время этого видения дьякон получает побуждение говорить надгробное слово на похоронах отца Савелия. И не только побуждение, но и откровение *что* именно говорить и, даже сами цитаты из Писания. Это пример духовного зрения, когда человек не только видит, но и получает послание или откровение. Таким образом, обретая внутренне зрение, дьякон Ахилла обретает и более зрелое духовное состояние.

Кульминационное преображение дьякона Ахиллы происходит в момент его смерти. Перед смертью Ахилла говорит со священником, и окружающие удивляются его мудрости. Отец Захария, наблюдавший агонию дьякона, видит последнее видение, где дьякон борется с ангелом и побеждает. «Захария смотрел на это, цепenea, а утлые доски кровати все тяжче гнулись и трещали под умирающим Ахиллой, и жутко дрожала стена, сквозь которую точно рвалась на простор долго сжатая стихийная сила. “Уж не кончается ли он?” – хватился Захария... но в это самое время Ахилла вскрикнул сквозь сжатые зубы: “Кто ты, огнелицкий? Дай путь мне!” Захария робко оглянулся и оторопел, огнелицего он никого не видал, но ему показалось со страху, что Ахилла, вылетев сам из себя, здесь же где-то с кем-то боролся и одолел...» [Там же, с. 263].